

Мимоход Р.А.

О ЗАГАДОЧНЫХ КОСТЯНЫХ КОНУСАХ В КОМПЛЕКСАХ ЛОЛИНСКОЙ И ДНЕПРО-ДОНСКОЙ БАБИНСКОЙ КУЛЬТУР

Реферат: Статья посвящена анализу своеобразной категории костяного инвентаря, встречающейся в комплексах лолинской и днепро-донской бабинской культур, за которой закрепилось название “конусы”. Обосновывается тезис о зарождении традиции использования конусов в лолинской культуре и заимствовании ее носителями днепро-донской бабинской культуры. Устанавливаются характерные морфологические признаки предкавказской и приазовско-донской традиций в изготовлении конусов. Предметно рассматриваются вопросы об их возможном функциональном назначении.

Ключевые слова: конусы, навершия, лолинская культура, днепро-донская бабинская культура, погребальный обряд, посткатакомбные памятники.

В посткатакомбных памятниках Северо-западного Прикаспия, Нижнего Подонья и Северо-восточного Приазовья встречается своеобразная категория костяного инвентаря, за которой закрепилось название “конусы”. Эти предметы изготовлены из проксимальных фаланг копытных и имеют длину 4,7-7,5 см. По центральной продольной оси предметов сделано несквозное отверстие от проксимальной суставной поверхности к заостренному дистальному концу (рис. 3). На сегодняшний день известно 10 костяных изделий и одна заготовка (рис. 3, 1-4, 6-9), а также конус из глины, который является точной репликой костяных экземпляров (рис. 3, 5). 7 конусов найдены в погребениях лолинской культуры (рис. 1; 2, 1-4; 3, 1-5), 4 относятся к днепро-донской бабинской культуре (рис. 1; 2, 5; 3, 6-9).

Все лолинские изделия происходят из захоронений: Первомайский 4 2/3 (раскопки А.Д. Матюхина 2001 г.), Калиновский 1/7 [Дервиз 1989], Цаган-Усн III 6/2¹ [Мимоход 2007], Веселая Роща III 25/2² [Державин 1989], Чограй VIII 34/1 [Андреева 1986; 1989], Золотаревка 3 9/6 [Бабенко 2003], Золотаревка 6 15/6 [Бабенко 2001] (рис. 1; 2, 1-4; 3, 1-5). Комплексы по характерным чертам обряда и инвентаря датируются первым и вторым этапами развития культуры.

Два конуса днепро-донской бабинской культуры (ДДБК) обнаружены в захоронениях: Юдинский III 2/7 [Литвиненко 2004; 2005], Хамуш-Оба 2/8 [Литвиненко 2004], один в слое поселения Раздольное [Горбов, Усачук 2001; 2001a]³. Эти комплексы также относятся к раннему и развитому периодам Бабино. В позднелолинских и позднебабинских материалах данный вид изделий уже неизвестен.

Таким образом, можно констатировать синхронное бытование однотипных изделий в сопредельных посткатакомбных культурных образованиях в рамках достаточно узкого хронологического отрезка. Для рассматриваемой серии артефактов имеется одна радиоуглеродная дата, полученная по кости человека из раннелолинского комплекса Чограй

¹ Конец изделия обожжен.

² На корпусе нанесен ряд мелких насечек (орнамент ?) [Дервиз 1989, с. 140].

³ Р.А. Литвиненко приводит еще один бабинский комплекс с костяным конусом Четыре Брата II 12/10 под вопросом. В отчетных материалах для этого погребения есть только фотография [Романовская 1974, рис. 46], где среди скопления астрагалов нечетко видна фаланга копытного. Больше никаких данных ни в тексте, ни в иллюстрациях о том, обработана ли она и имеется ли в ней отверстие, нет. Утверждение со ссылкой на отчет М.А. Романовской о том, что это “проксимальная фаланга с заостренным эпифизом и просверленным диафизом” [Литвиненко, 2005а, с. 83] не соответствует действительности. В лучшем случае это можно только предполагать. При такой документации комплекс Четыре Брата II 12/10 следует исключить из перечня бабинских погребений с костяными конусами.

VIII 34/1 (рис. 2, 1): Ki-12877, 3780±60 ВР, 1σ - 2300-2040 ВС [Ковалюх, Мимоход 2007, табл. 1]. Анализ всей совокупности калиброванных данных ¹⁴С для Лолы и Бабино [Мимоход 2009; 2010] позволяет определить время существования конусов в пределах XXII-XX вв. до н.э.

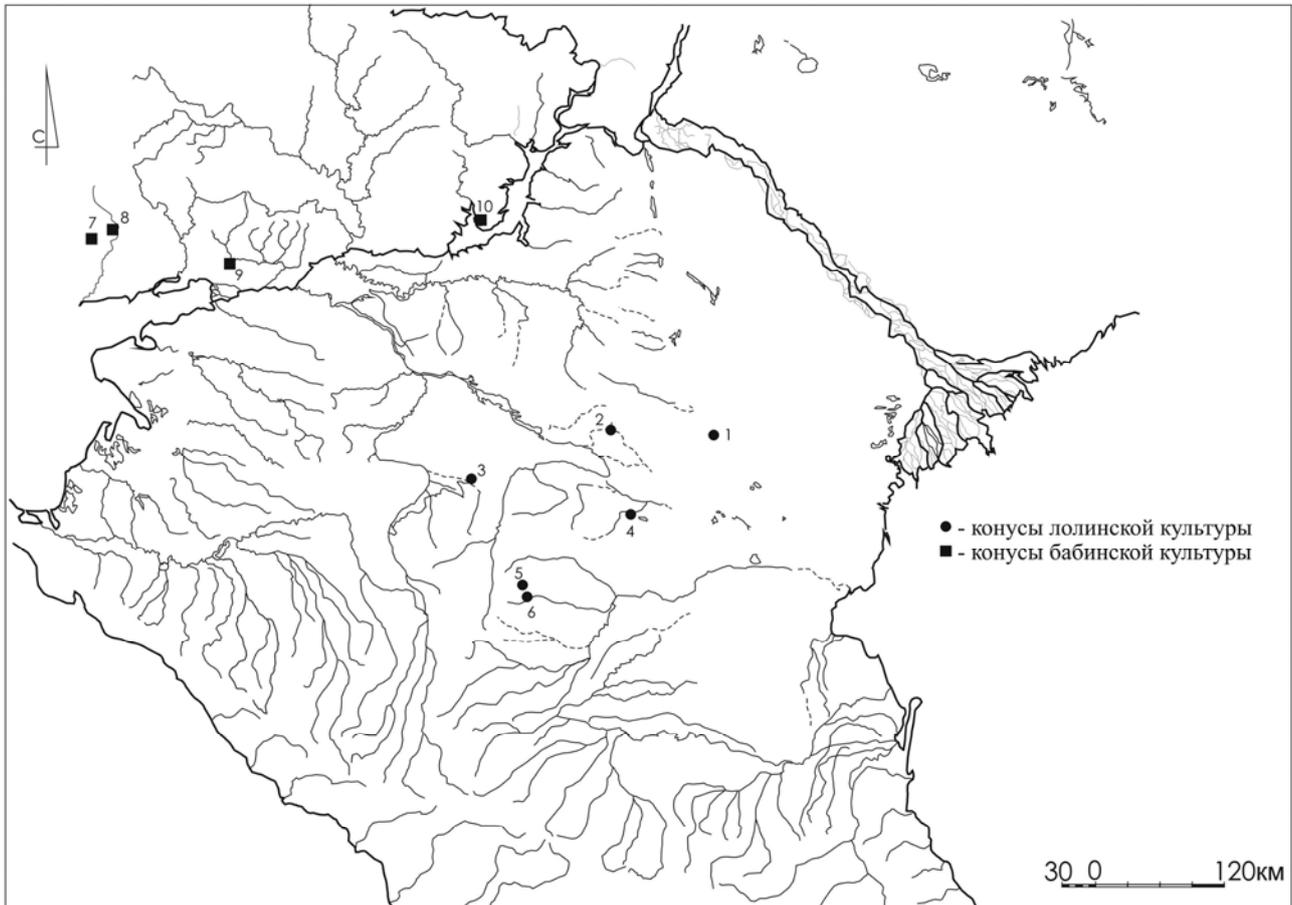

Рис. 1. Памятники лолинской и днепро-донской бабинской культур с конусами:

1 – Цаган-Усн III 6/2; 2 – Первомайский 4 2/3; 3 – Золотаревка 3 9/6, Золотаревка 6 15/6; 4 – Чограй VIII 34/1; 5 – Калиновский 1/7; 6 – Веселая Роща III 25/2; 7 – Хамуш-Оба 2/8; 8 – пос. Раздольное; 9 – Юдинский III 2/7; 10 – Кучугуры

Fig. 1. The monuments of Lola and Dnieper-Don Babynskaya cultures with cones

1 – Tsagan-Usn III 6/2; 2 – Pervomayskii 4 2/3; 3 – Zolotarevka 3 9/6, Zolotarevka 6 15/6; 4 – Chograï VIII 34/1; 5 – Kalinovskii 1/7; 6 – Veselaya Roscha III 25/2; 7 – Khamush-Oba 2/8; 8 – Razdol'noye; 9 – Yudinskii III 2/7; 10 – Kuchugury

Конусы являются одним из ярких этнографических маркеров лолинской культуры. Именно с ней связаны находки большинства этих изделий. Бабинских конусов в два раза меньше, и обнаружены они в памятниках восточных районов распространения ДДБК: Северо-Восточном Приазовье и Нижнем Подонье, т.е. на сопредельной территории по отношению к лолинскому ареалу (рис. 1). Западнее они отсутствуют. В этой связи находки костяных конусов в бабинских комплексах следует рассматривать как проявление бабинско-лолинских связей. Именно Лола является той культурной средой, где эта традиция возникла и имела наиболее широкое распространение, на что в литературе уже не раз обращалось внимание [Литвиненко 2004, с. 106; 2005, с. 76; Мимоход 2005, с. 72; 2007, с. 152].

О вторичном характере изготовления конусов носителями бабинских традиций в восточной части ареала днепро-донской культуры свидетельствуют и некоторые особенности их морфологии. Прежде всего это касается двух конусов из Северо-Восточного Приазовья (пос. Раздольное и Хамуш-Оба 2/8) (рис. 3, 6, 7). Они изготовлены несколько

небрежно, по сравнению с лолинскими, и выглядят более массивными. У данных изделий отверстия овальные, а не округлые, как у лолинских экземпляров. Кроме того, все бабинские предметы имеют основание овальной формы, а не округлой как у лолинской серии.

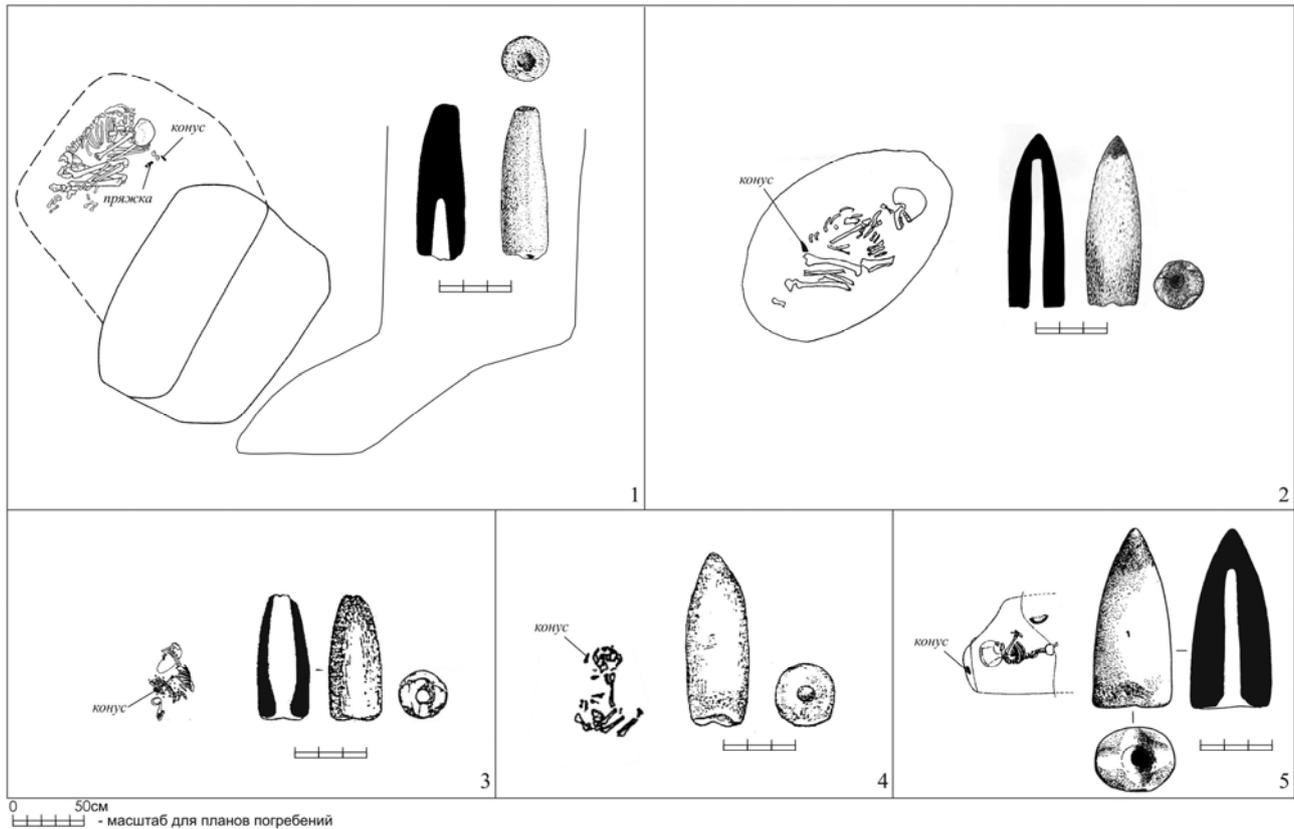

Рис. 2. Погребения с конусами лолинской (1-4) и днепро-донской бабинской (5) культур:
 1 – Чограй VIII 34/1; 2 – Цаган-Усн III 6/2; 3 – Калиновский 1/7; 4 – Веселая Роща III 25/2;
 5 – Юдинский III 2/7

Fig. 2. The burials with cones of Lola (1-4) and Dnieper-Don Babyne culture (5):
 1 – Chograi VIII 34/1; 2 – Tsagan-Usn III 6/2; 3 – Kalinovskii 1/7; 4 – Veselaya Roscha III 25/2;
 5 – Yudinskii III 2/7

Различие метрических параметров лолинских и бабинских конусов хорошо иллюстрирует график соотношения длины и ширины оснований изделий (рис. 4). На нем видно, что бабинские и лолинские изделия образовали два отдельных кластера. Признак “длина” фактически совпал, а по признаку “ширина основания” наблюдается существенное расхождение. У бабинских конусов основание больше, его ширина составляет 2,8-3,2 см, в то время как у лолинских предметов оно заметно уже, в пределах 1,95-2,5 см. Это различие влияет на визуальное восприятие предметов. Бабинские конусы выглядят более приземистыми и массивными, а лолинские более стройными и грацильными.

Для верификации данного утверждения на корреляционное поле были отдельно нанесены параметры костяного конуса, происходящего из сборов П.Н. Милосердова на участке 3 заповедника Кучугуры на правом берегу Цимлянского водохранилища (рис. 1; 3, 9)⁴. Он полностью вписался в бабинский кластер (рис. 4), и поэтому его культурная

⁴ Конус выставлен в экспозиции Волгодонского краеведческого музея. находка является внекомплексной и происходит из сборов, в которых обнаружены материалы поздней бронзы и раннего железного века, а также фрагмент поясной подвески лолинского облика. Схематическая зарисовка и данные об этом конусе любезно предоставлены мне В.В. Потаповым.

атрибуция у меня не вызывает сомнения. Кроме того, это изделие происходит из ареала бабинской, а не лолинской культуры, и обладает другими признаками приазовско-донской традиции изготовления конусов. Предмет сделан крайне небрежно, дистальный конец заострен довольно грубыми срезами, основание и отверстие овальной формы.

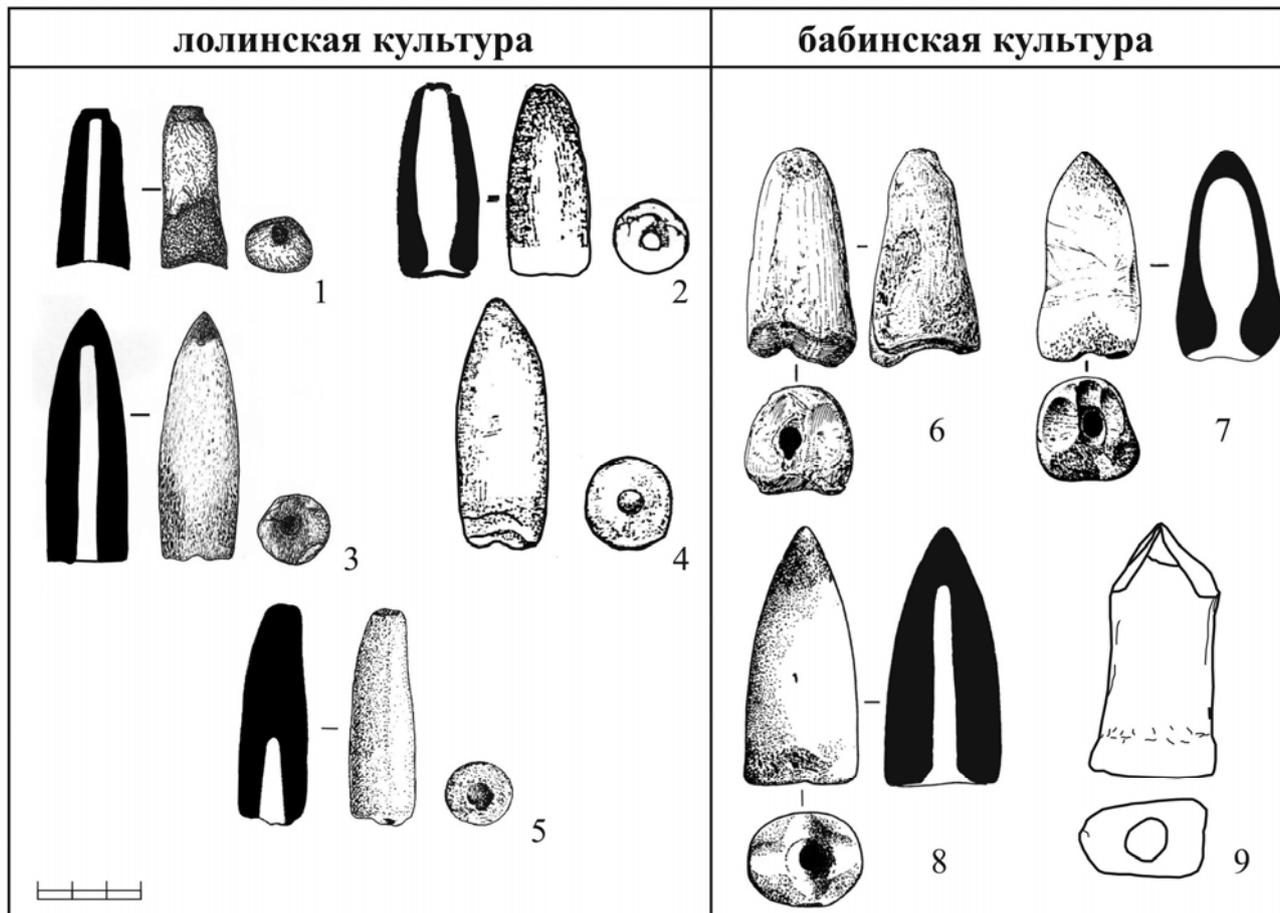

Рис. 3. Конусы лолинской и днепро-донской бабинской культур:

1 – Первомайский 4 2/3; 2 – Калиновский 1/7; 3 – Цаган-Усн III 6/2; 4 – Веселая Роща III 25/2; 5 – Чограй VIII 34/1; 6 – пос. Раздольное; 7 – Хамуш-Оба 2/8; 8 – Юдинский III 2/7; 9 – Кучугуры; 1-4, 6-9 – кость, 5 – керамика

Fig. 3. The cones of Lola and Dnieper-Don Babyne cultures:

1 – Pervomayskii 4 2/3; 2 – Kalinovskii 1/7; 3 – Tsagan-Usn III 6/2; 4 – Veselaya Roscha III 25/2; 5 – Chograi VIII 34/1; 6 – Razdol'noye; 7 – Khamush-Oba 2/8; 8 – Yudinskii III 2/7; 9 – Kuchugury; 1-4, 6-9 – bone, 5 – ceramic

Итак, три из четырех бабинских предметов (пос. Раздольное, Хамуш-Оба 2/8, Кучугуры) (рис. 3, 6, 7, 9) сделаны довольно грубо, что не характерно для лолинской серии. Один конус (Юдинский III 2/7) (рис. 3, 8), наоборот, тщательно изготовлен, имеет сильно заостренный дорсальный конец и отверстие округлой формы. Именно эти признаки характерны для лолинской традиции. Все предкавказские конусы имеют округлое отверстие и в половине случаев остро оформленный конец (рис. 3, 1-5). В этой связи характерно, что комплекс Юдинский III 2/7, вместе с конусом из Кучугур, который также имеет заостренный дорсальный конец, расположены ближе всего к лолинскому ареалу (рис. 1). При этом юдинский конус, имея явные лолинские черты в морфологии и технике изготовления, демонстрирует типично бабинские пропорции. Все вышесказанное однозначно

свидетельствует о том, что конусы днепро-донской бабинской культуры изготавливались ее носителями по лолинским образцам.

Таким образом, костяные конусы – это диагностическая категория инвентаря именно посткатакомбного горизонта. Эти изделия являются одним из этнографических маркеров лолинской культуры и изредка встречаются на сопредельной территории в комплексах днепро-донской бабинской культуры. В этой связи явным недоразумением выглядит отнесение костяного предмета “в виде полой трубочки конусовидной формы” из комплекса с повозкой Элистинский 8/7 восточноманычской катакомбной культуры [Синицын, Эрдниев 1971, с. 75] к категории конусов, характерных для лолинской культуры [Андреева 2008, с. 300]. На самом деле, скорее всего, здесь речь идет о предмете, изготовленном из трубчатой кости, недаром же она названа авторами раскопок именно “трубочкой”. Лолинские изделия таким словом обозначить никак нельзя, хотя бы в силу того, что у них отверстие не сквозное. Подобные элистинскому предмету, сделанные из трубчатой кости и иногда, действительно, имеющие форму, которую можно принять за конусовидную, достаточно характерны для памятников ранней – средней бронзы Предкавказья. Есть такое изделие и в раннелолинских материалах. Ничего общего эти костяные трубки с описанными выше конусами не имеют ни по сырью, ни по морфологии.

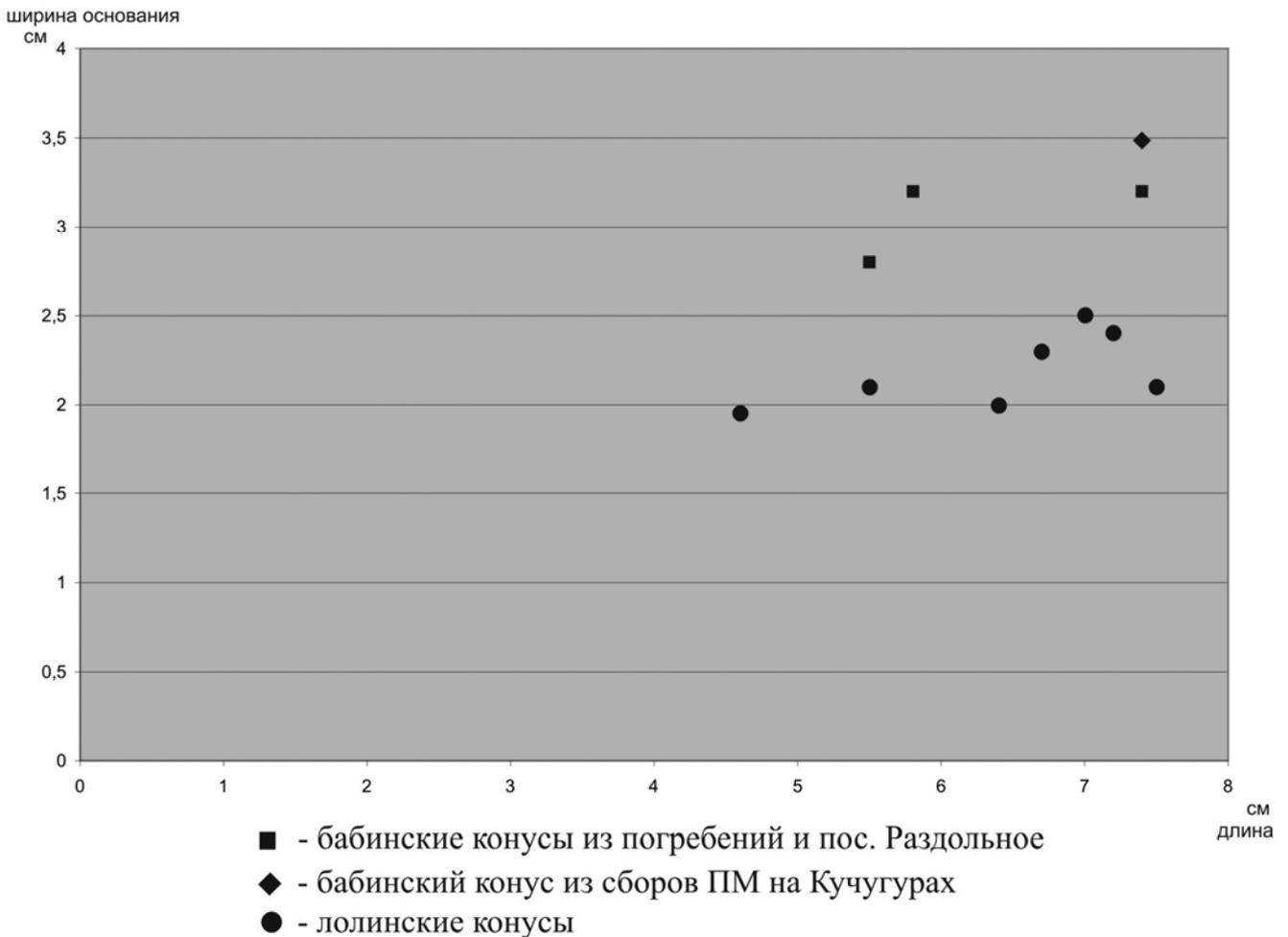

Рис. 4. Метрические параметры (длина и диаметр основания) конусов лолинской и днепро-донской бабинской культур

Fig. 4. Metric characteristics (length and diameter of bottom) of Lola and Dnieper-Don Babynskaya cones

Впервые название “конус” для рассматриваемой категории предметов употребила М.В. Андреева применительно к глиняному изделию из комплекса Чограй VIII 34/1 [Андреева 1986, с. 232]. Так оно было названо, по всей видимости, из-за непонятого функционального назначения. Этот нейтральный термин никак на него не указывал.

П.Г. Дервиз, публикуя комплекс Калиновка 1/7, предположил, что “возможно, предмет представляет какой-то футляр” [Дервиз 1989, с. 261]. С этим трудно согласиться: диаметр отверстия слишком мал для того, чтобы в нем что-то хранить.

В.Л. Державин и А.Н. Усачук рассматривают предметы из Веселой Роши III 25/2 и поселения Раздольного в качестве рукоятей [Державин 1989, с. 140; Горбов, Усачук 2001, с. 173; 2001а, с. 216]⁵. Как орудие со втулкой определил конус из комплекса Цаган-Усн III 6/2 в своем отчете С.В. Арапов [1987]. Это понятные предположения. Действительно, несквозное отверстие, скорее всего, служило для крепления в конусе какой-то дополнительной детали. Очевидно также, что эта деталь должна быть сделана из органического, не сохраняющегося, материала, т.к. ее остатков ни разу не зафиксировано в археологических комплексах. Скорее всего, это было дерево.

Р.А. Литвиненко отмечает, что назначение конусов “необоснованно сводят к функции рукояток” и указывает на то, что эти предметы “приурочены к захоронениям детей-подростков и половина из них находилась в составе игральных наборов из астрагалов животных” [Литвиненко 2004, с. 106; 2005, с. 76; 2005а, с. 83]. В этих наборах исследователь предлагает рассматривать конусы в качестве фишек [Литвиненко 2005а, с. 83]. Попробуем разобраться, так ли это.

Из семи лоллинских погребений, где обнаружены конусы, в двух находились скелеты подростков-детей (Веселая Роша III 25/2 и Калиновский 1/7) (рис. 2, 3, 4), еще два были парными с костяками взрослого и подростка (Золотаревка 6 15/6 и Первомайский 4 2/3), два захоронения взрослых людей (Чограй VIII 34/1 и Цаган-Усн III 6/2) (рис. 2, 1, 2) и еще одно парное, где обнаружены остатки двух взрослых индивидов (Золотаревка 3 9/6). Причем, в парных погребениях взрослых и подростков (Золотаревка 6 15/6 и Первомайский 4 2/3) конусы лежали именно перед скелетами подростков. Получается, что из семи лоллинских погребений дети-подростки находились только в 4 захоронениях, в остальных случаях это взрослые индивиды, причем, комплекс Чограй VIII 34/1 содержал, по определению Г.И. Романовой, скелет взрослого мужчины в возрасте 35-55 лет. Из бабинских материалов происходят два погребения с конусами и там оба скелета принадлежат подросткам (рис. 2, 5). Таким образом, общая статистика для посткатакомбных захоронений: 6 (дети-подростки) против 3 (взрослые). Тенденция приуроченности костяных конусов к детским-подростковым комплексам налицо. Но это именно тенденция, ибо конусы, хотя и реже, но все-таки сопровождали погребения взрослых.

С астрагалами ситуация складывается несколько иначе. Из семи лоллинских погребений с конусами только в двух они сочетались с астрагалами (Золотаревка 6 15/6 и Калиновский 1/7). Из двух бабинских захоронений только в одном конус найден вместе с альчиками (Хамуш-Оба 2/8). Таким образом, общая статистика обратная вышеприведенной: 6 (без астрагалов) против 3 (с астрагалами). Налицо тенденция самостоятельного семиотического статуса конуса в обряде и только изредка эти изделия встречаются с астрагалами, что, впрочем, может демонстрировать какую-то связь между ними. Однако ни о какой половине случаев сочетания конусов с астрагалами для посткатакомбных погребений [Литвиненко, 2004, с. 106] мы пока говорить не можем. Интересно расположение конусов в тех комплексах, где они сочетаются с астрагалами. В двух случаях (Хамуш-Оба 2/7 и Калиновский 1/7) конусы лежали в скоплениях астрагалов. Один раз конус находился отдельно от них перед грудью, тогда как астрагалы – у колен умершего (Золотаревка 6 15/6).

⁵ К сожалению, подробные данные трасологического анализа этого изделия в работах В.Н. Горбова и А.Н. Усачука не представлены.

Не вносит ясности в функциональное назначение конусов и их расположение по отношению к погребенному. Лолинские изделия фиксируются в той зоне, где чаще всего встречаются и другие вещи (лопатки МРС, ножи, сосуды и др.), перед локтевыми костями (рис. 5, 1). По одному разу конус был найден у костей таза и за затылком (рис. 2, 2, 4, 5, 1). Из бабинских конусов один находился в зоне, характерной для Лолы (Хамуш-Оба 2/8), другой в необычной позиции у стенки могильной ямы (Юдинский III 2/7) (рис. 2, 5, 5, 1).

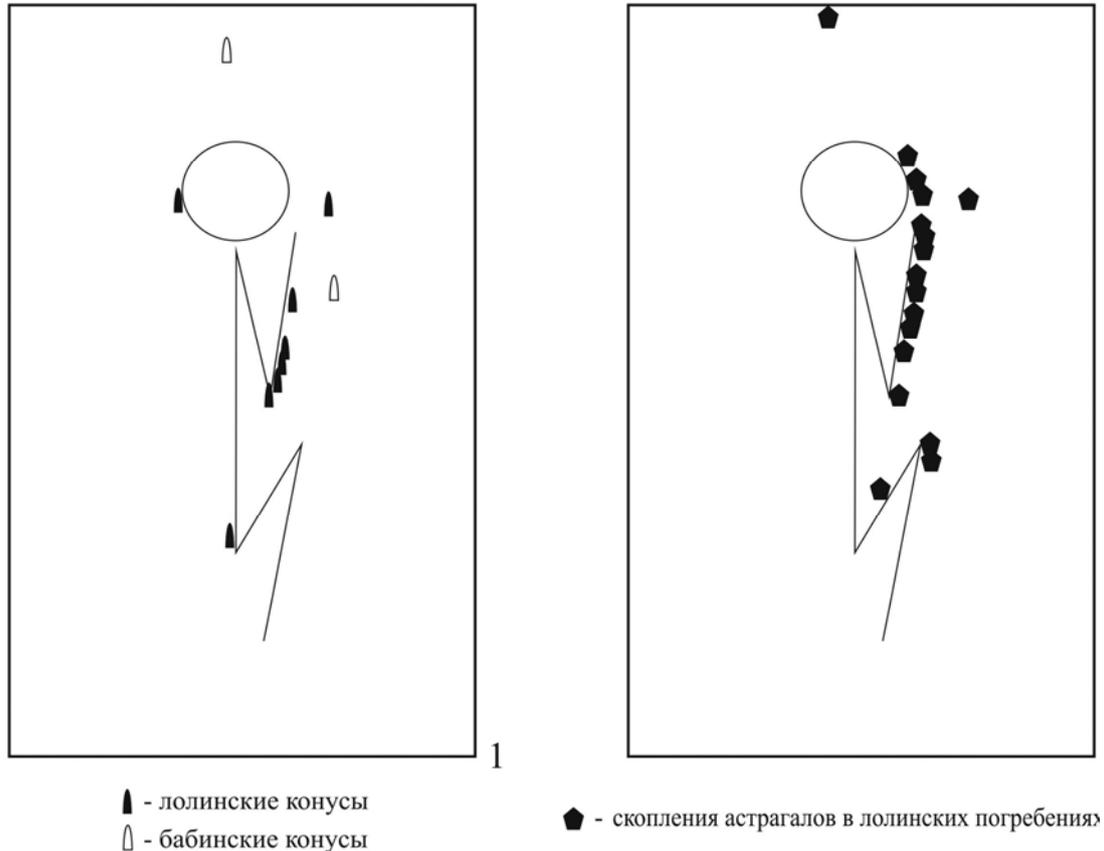

Рис. 5. Аккумулятивные схемы размещения конусов и астрагалов в погребениях лолинской культуры: 1 – схема размещения конусов; 2 – схема размещения астрагалов

Fig. 5. Accumulative schemes of the positions of the cones and astragals in Lola and Dnieper-Don Babyne burials: 1 – scheme of the cones positions; 2 – scheme of the astragals positions

В этой связи вернемся еще раз к предположению Р.А. Литвиненко о функциональной связи конусов с игральными наборами астрагалов [Литвиненко 2004, с. 106; 2005а, с. 76; 2007, с. 160]. Напомню, что конусы сочетаются с альчиками только в трех из девяти посткатакомбных комплексах. Причем, в одном из них (Золотаревка 6 15/6) они лежат явно обособлено друг от друга, а в двух других случаях находятся вместе. Во всех трех захоронениях положение конусов одинаковое: они находились в зоне, где чаще всего встречаются и другие категории инвентаря. Возникает закономерный вопрос, существовала ли реальная функциональная связь между конусами и астрагалами или они просто оказываются совмещенными в самой семантически значимой для лолинского обряда зоне расположения погребального инвентаря?

Чтобы подтвердить второе предположение, необходимо сравнить зоны встречаемости астрагалов и конусов. В лолинской культуре имеется 20 погребений с астрагалами. При составлении схемы их расположения в могиле (рис. 5, 2) и сравнении ее с аналогичной схемой по конусам (рис. 5, 1) бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, и конусы, и

астргалы, также как и лопатки МРС, ножи, сосуды и др., часто находятся перед погребенным у локтевых костей рук. Как уже отмечалось, зона эта является общей для большинства категорий инвентаря. Размещение здесь предметов разной функциональной нагрузки в одних скоплениях просто неизбежно.

Возьмем для примера лопатки МРС. Четыре раза они сочетаются в погребениях с астргалами, из них в трех комплексах лопатки и альчики лежали в одних скоплениях (ВМЛБ 1965 I 28/3, Жуковский I 5/1, Степная IV 1/11). Можем ли мы на этом основании говорить о функциональной связи лопаток МРС и астргалов? Вряд ли. Подавляющее большинство лопаток (49 из 53 комплексов) не сопровождалось астргалами. Другой пример. В материалах лолинской культуры известен один необычный втульчатый костяной наконечник стрелы с косым шипом [Мимоход 2007а, рис. 1, 1]. Он происходит из комплекса Цаган-Усн VII 4/27. В могиле стрелка находилась под скоплением астргалов, причем, в достаточном удалении от скелета. Связаны ли функционально наконечник и астргалы? Ответ очевиден. В комплексе Чограй VIII 34/1 в одном скоплении в привычной лолинской зоне лежат роговая пряжка, глиняный конус и фрагмент керамики (рис. 2, 1). Функционально это различные предметы⁶. Список подобных примеров можно продолжить. И еще раз отмечу, что в лолинской культуре известно всего два случая сочетания конусов и астргалов: в одном предметы находились вместе, в другом порознь. Получается, что очевидной связи конусов с игральными наборами астргалов по материалам Лолы проследить не удастся.

Это отчасти подтверждает и другая закономерность, прослеженная при сравнении двух наших схем (рис. 5, 1, 2). Если предположить, что астргалы и конусы – это составляющие одних и тех же игральные наборы, то, возможно, и расположение их в могиле должно быть одинаковым, даже когда они помещаются в погребения отдельно друг от друга. Однако выясняется, что при наличии общей зоны, характерной и для других категорий инвентаря, астргалы встречаются в тех местах, в которых еще ни разу не были найдены конусы. Речь идет о зонах у лица умершего, у колен и бедренных костей. Данное обстоятельство косвенно может указывать на отсутствие функциональной связи между альчиками и конусами.

Представляется, что проблему соотношения астргалов и конусов в лолинской погребальной обрядности нужно рассмотреть под другим углом зрения. Дело в том, что эти категории инвентаря статистически “ведут” себя одинаково только на уровне признака “возраст умершего”. Иными словами, в обоих случаях чаще всего астргалы и конусы встречаются в захоронениях детей/подростков. Детские и подростковые погребения составляют 57% от всех лолинских комплексов с конусами и 62% от всех погребений с альчиками⁷. Здесь мы можем говорить о конусах, как о специфической вещи, которая, как и астргалы, чаще маркирует детские и подростковые захоронения, но стабильно встречается и во взрослых погребениях. И если астргалы традиционно рассматриваются как игральные наборы, которыми пользовались и взрослые и дети [Цимиданов 2001, с. 224], то и предметы, составной частью которых являлись конусы, вероятно, также использовались людьми разных возрастных категорий. Похоже, это единственное, что их объединяет. Археологические данные показывают, что рассматривать альчики и конусы, как составляющие одних и тех же игральные наборы преждевременно.

К сожалению, пространный комментарий в отношении конусов в контексте погребального обряда, так и не приблизил нас к пониманию их функционального назначения. Мы по-прежнему с большой долей вероятности можем утверждать только то,

⁶ Правда, в этом скоплении роговая пряжка и конус могли находиться в определенной взаимосвязи (о ней см. ниже).

⁷ Такие же показатели по количеству захоронений детей/подростков с астргалами демонстрируют днепро-донская бабинская (61,1%) и срубная (59,3%) культуры [Литвиненко, 2005а, табл. 2; Цимиданов, 2001, табл. 6].

что конус являлся элементом какого-то составного изделия, несохранившаяся часть которого, крепилась в несквозное продольное отверстие.

Конусы имеют поразительную культурную и хронологическую нагрузку, по которой они вполне сопоставимы, например, с посткатакомбными пряжками и отдельными типами украшений. Это говорит о том, что для носителей лолинской культуры, выработавших данный тип изделия, конус являлся одним из маркеров самоидентификации. И здесь следует согласиться с Р.А. Литвиненко, который не раз обращал внимание на недопустимость крайне упрощенной трактовки этих изделий в качестве рукояток [Литвиненко 2004, с. 106; 2005а, с. 82]. Кстати, обычные рукояти, которые встречаются в погребениях эпохи бронзы, в том числе и лолинских, изготовлены из трубчатых костей без какой-либо существенной обработки, которая бы сильно изменила первоначальную форму исходного сырья. В срубной культуре известны рукояти, изготовленные из того же сырья, что и конусы – из проксимальных фаланг копытных [Усачук 1996, рис. 1, 4]. Однако и в этих случаях, кроме сверления отверстия, они дополнительно не обрабатывались.

Мне кажется, что в дальнейшем перспективным направлением в интерпретации конусов может являться рассмотрение их как наверший. По крайней мере, морфология изделий этому не противоречит. Втулка диаметром 0,4-0,6 см вполне пригодна для того, чтобы туда вставлялось тонкое древко, которое, естественно, при раскопках зафиксировать не удастся. Такое изделие вполне могло выступать, например, в качестве жезла или какого-то специфического ритуального предмета.

Косвенно об этом может свидетельствовать расположение конуса у таза умершего в комплексе Цаган-Усн III 6/2 (рис. 2, 2). В данном случае изделие могло быть связано с поясом, который играл существенную роль в погребальном обряде посткатакомбного периода, что документируется многочисленными находками поясных пряжек, в том числе и в лолинской культуре. Симптоматично расположение конуса в цаганусновском погребении: предмет лежал на боку заостренным концом вверх (по отношению к телу умершего). Создается впечатление, что изделие, наверху которого являлся костяной конус, было заткнуто за пояс. А это возможно было бы сделать только при наличии во втулке тонкого и, разумеется, не очень длинного древка. Предмет должен был хорошо держаться за пояс, т.к. широкое основание конуса фиксировало вертикальное положение “жезла”.

В таком же ракурсе интересно и ситуативное расположение поясной пряжки с конусом в комплексе Чограй VIII 34/1 (рис. 2, 1). Они находились рядом перпендикулярно друг другу. Иными словами, с учетом установленного горизонтального положения фигурных пряжек на ремне [Калмыков, Мимоход 2005, с. 225], конус по отношению к ней лежал на боку в вертикальном положении. Расположение пряжки и конуса в чограйском захоронении по структуре сходно с ситуацией в Цаган-Усне (рис. 2, 2). Только здесь пояс и прицепленный к нему “жезл” с глиняным конусом были положены в стороне от покойного⁸.

В комплексе Веселая Роща III 25/2 конус лежал за затылком умершего также заостренным концом вверх (рис. 2, 4). Его позиция в этом захоронении вызывает стойкую ассоциацию с расположением стрел в колчаных наборах, которые носили за спиной лучники эпохи бронзы [Братченко 1989, с. 80; 2006, с. 279]. Подобное расположение наконечников стрел в погребениях достаточно характерно как для бабинской, так и для лолинской культур [Полидович 1993, рис. 50; Литвиненко 1998, с. 49; Разумов 1999, с. 213; Братченко 2006, с. 279, рис. 129; Калмыков, Мимоход 2005, рис. 5, 1]. В этом случае не исключено, что “жезлы”, наверху которых являлись конусы, могли носиться не только за поясом, но и в заплечных сумках типа колчанов. При обоих вариантах реконструкции очевидно, что длина изделия с древком была сопоставима с размерами стрел.

⁸ О расположении пояса в отдельных случаях не в районе таза скелета, а в других местах могилы, что могло быть обусловлено особой его ролью в погребальном обряде, см.: [Гершкович, 1979, с. 59; 1986, с. 136; Петров, 1983, с. 121].

С учетом предложенной интерпретации конусов как наверший “жезлов”, становилось бы понятным, почему они оказываются настолько культурно и хронологически емкими изделиями. Однако это пока лишь мало обоснованное предположение, и доказать его я не могу. К сожалению, сейчас приходится констатировать, что конусы пока так и остаются предметами с неясной функцией. При сегодняшнем состоянии источниковой базы однозначно решить вопрос об их назначении нельзя. Видимо, если это удастся сделать, то только в будущем, с накоплением новых материалов. Однако это ни в коей мере не умаляет значения данной категории инвентаря как культурно-хронологического индикатора посткатакомбных памятников Восточного Предкавказья, Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья.

Мимоход Р.О.

ПРО ЗАГАДКОВІ КІСТЯНІ КОНУСИ У КОМПЛЕКСАХ ЛОЛІНСЬКОЇ ТА ДНІПРО-ДОНСЬКОЇ БАБІНСЬКОЇ КУЛЬТУР

Статтю присвячено аналізу своєрідної категорії кістяного реманенту, що трапляється в комплексах лолінської та дніпро-донської бабінської культур і за якою усталилася назва “конуси”. Обґрунтовується теза зародження традиції використання конусів у лолінській культурі та запозичення її носіями дніпро-донської бабінської культури. Встановлено характерні морфологічні ознаки перед кавказької та приазовсько-донської традицій вироблення конусів. Предметно розглянуто питання щодо їхнього функціонального призначення.

Ключові слова: конуси, навершники, лолінська культура, дніпро-донська бабінська культура, поховальний обряд, пост катакомбні пам’ятки.

Mimokhod R.A.

ABOUT DISPUTABLE BONE CONES IN THE COMPLEXES OF LOLA AND DNEPER-DON BABYNE CULTURES

The article is devoted to the analysis of specific bone artefacts (named as “cones”) attributed to Lola and Dnieper-Don Babyne cultures. The thesis about the origin of the cones application in Lola culture and borrowing of this tradition by Dnieper-Don Babyne culture is proved. The characteristic morphological features of Subcaucasian and Azov-Don traditions in cones production are determined. The questions about cones function are discussed.

Keywords: cones, heads, Lola culture, Dnieper-Don Babyne culture, mortuary rite, postcatacomb monuments.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева М.В. Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополя / М.В. Андреева // СА. – 1986. – № 2. – С. 231-234.

Андреева М.В. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) / М.В. Андреева // Древности Ставрополя. – М.: Наука, 1989. – С. 24-124.

Андреева М.В. Кенотафы восточноманьчжской катакомбной культуры как погребально-жертвенные комплексы / М.В. Андреева // Археология Кавказа и Ближнего Востока. – М., 2008. – С. 298-306.

Арапов С.В. Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики в зоне строительства орошаемого участка совхоза

“Яшкульский” в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. – НА ИА РАН. – Р.1. – № 12526.

Бабенко В.А. Отчет о раскопках курганных могильников “Айгурский-2” и “Золотаревка-6” в Ипатовском районе Ставропольского края в 2001 г. – НА ИА РАН.

Бабенко В.А. Отчет о раскопках курганного могильника “Золотаревка-3” в окрестностях с. Золотаревка Ипатовского района Ставропольского края в 2003 году. – НА ИА РАН.

Братченко С.Н. Лук і стріли доби енеоліту – бронзи Півдня Східної Європи / С.Н. Братченко // Археологія. – 1989. – № 4. – С. 70-82.

Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века / С.Н. Братченко // МДАСУ. – № 6. – Луганськ: Вид-во СУНУ, 2006. – № 6. – С. 32-310.

Гершкович Я.П. Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики / Я.П. Гершкович // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тез. докл. конф. – Донецк, 1979. – С. 59-60.

Гершкович Я.П. Фигурные зооморфные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики / Я.П. Гершкович // СА. – 1986. – № 2. – С. 132-145.

Горбов В.Н. Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 155-196.

Горбов В.Н. О контакте архаической срубной и позднемноговаликовой культур на Приазовской возвышенности / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. междунар. науч. конф. – Самара, 2001. – С. 213-220.

Дервиз П.Г. Группа погребений финального этапа среднебронзового века курганов Ставропольской возвышенности / П.Г. Дервиз // Древности Ставрополя. – М.: Наука, 1989. – С. 257-269.

Державин В.Л. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) / В.Л. Державин // Древности Ставрополя. – М.: Наука, 1989. – С. 125-194.

Калмыков А.А. Роговые и костяные пряжки и подвески лолинской культуры / А.А. Калмыков, Р.А. Мимоход // МДАСУ. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2005. – № 4. – С. 201-234.

Ковалюх Н.Н. Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и Степного Предкавказья / Н.Н. Ковалюх, Р.А. Мимоход // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: тез. докл. II Международной Нижневолжской археолог. конф. – Волгоград, 2007. – С. 35-39.

Литвиненко Р.А. Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики / Р.А. Литвиненко // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: матер. 4-го Українсько-Російського польового семінару. – К.; Вороніж, 1998. – С. 46-52.

Литвиненко Р.А. Восточная периферия бабинского очага культурогенеза / Р.А. Литвиненко // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: тез. докл. I Междунар. Нижневолжской археол. конф. – Волгоград, 2004. – С. 102-108.

Литвиненко Р.О. Культури бабинська і лолінська: до проблеми контактів / Р.О. Литвиненко // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матер. II-ї Луганської історико-археологічної конф. – Луганськ: Шлях, 2005. – С. 75-78.

Литвиненко Р.О. Поховання культурного кола Бабине з астрагалами / Р.О. Литвиненко // Старожитності 2005. – Харків: ХІАТ, НМЦ «СД», 2005а. – С. 74-86.

Литвиненко Р.О. Статеві-вікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур / Р.О. Литвиненко // МДАСУ. Від неоліту до кіммерійців. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2007. – № 7. – С. 156-172.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбних культурних образований (постановка проблеми) / Р.А. Мимоход // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матер. II-ї Луганської міжнар. історико-археологічної конф. – Луганськ: Шлях, 2005. – С. 70-74.

Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия / Р.А. Мимоход // РА. – 2007. – № 4. – С. 143-154.

Мимоход Р.А. Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор / Мимоход Р.А. // МДАСУ. Від неоліту до кіммерійців. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2007. – № 7а. – С. 118-127.

Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология посткатакомбных культурных образований Предкавказья / Р.А. Мимоход // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2009. – С. 253-257.

Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований / Р.А. Мимоход // МДАСУ. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2010. – вип. 10. – С. 32-55.

Петров Ю.Э. Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья / Ю.Э. Петров // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев, 1983. – С. 118-122.

Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области / Ю.Б. Полидович // АА. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 35-97.

Разумов С.Н. Кремневые изделия КМК (по материалам погребений Донетчины) / С.Н. Разумов // Історія очима молодих дослідників: Наук. праці міжнар. студ. наук. конф. – Донецьк, 1999. – Т. 1. – С. 212-216.

Романовская М.А. Отчет о раскопках 1974 г. в междуречье р. Сала и Маныча. – НА ИА РАН. – Р.1. – № 5662, 5662 а, б.

Синицын И.В. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года) / И.В. Синицын, У.Э. Эрдниев // Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и Республиканский краеведческий музей. Труды. – Вып. 3. – Элиста, 1971. – 143 с.

Усачук А.Н. Результаты анализа костяных изделий срубного поселения Капитаново-1 / А.Н. Усачук // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: тез. докл. и матер. российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого археологического семинара. – Вып. 2. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1996. – С. 60-63.

Цимиданов В.В. Астралаги в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа / В.В. Цимиданов // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 215-248.